

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА. К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 304.2; 94

ЯЩИК ПАНДОРЫ XX ВЕКА: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА*

Йёрн Леонхард

Фрайбургский университет

им. Альберта-Людвига, Фрайбург,

Германия

joern.leonhard@geschichte.uni-freiburg.de

В статье на материале свидетельств очевидцев, писателей, переживших трагические события, писем современников анализируется ряд принципиальных аспектов, высвечивающих влияние Первой мировой войны на самосознание вовлеченных в нее народов. Здесь и тот страшный разрыв между ожиданиями и реальностью; формирование массовых армий из лиц сугубо гражданских профессий; реакция людей на нечеловеческие способы уничтожения живой силы с применением новейших технических средств; изменение сознания солдат, оказавшихся в условиях непрекращающейся опасности, когда враги становятся ближе друг другу, чем сограждане, не пережившие окопных будней; тяжелые испытания семейных связей. Первая мировая война развенчала ожидания прогресса как наивные сценарии, не выдержавшие динамики личного опыта. Результатом стал кризис доверия почти во всех сферах жизни: кризис политики, экономики, общества, идеологических проектов оправдания государств, наций, этносов и классов. Именно в этом, в этой всеобщей неуверенности и сократившихся периодах полураспада великих социальных идей, заключается наследие войны вплоть до современности.

Ключевые слова: Первая мировая война, самосознание народов, мощь механизированной войны, человеческая реакция на невыносимое, развенчание идеи прогресса.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-7-19

1. Введение: Август 1914 г.

На переломе ожиданий и реальности

«Все только перешептывались. Озабоченность моментально овладела столицей и осела свинцовой тишиной. Закрывались конторы и фабрики, торговцы опускали жалюзи на витринах, опустели рестораны. Поблудневшие люди спешили домой. Толпы штурмовали переполненные пригородные поезда. Нигде никаких признаков ликования, но и страха не было заметно. В глазах у всех серьезная решимость. К четырем

часам Берлин словно вымер. Но к пяти толпы из пригородов снова устремились в центр. Сегодня все должно было решиться. Люди шли по улицам разрозненными группками. Говорили мало. Даже у полиции не было работы. Все замерло. И вдруг толпа всколыхнулась, а по центральным улицам словно волна прокатилась. Пламенными буквами вспыхнули погасшие щиты электрической рекламы: Война! Мобилизация! И толпа откликнулась: Война! Война!»¹

¹ Krieg-mobil, zitiert nach: s. 215–216.

* Перевод И.А. Канакина. Ссылки даны в авторской редакции.

За год до выстрелов в Сараево 28 июля 1914 г. в Берлине вышел один роман, уже пятым изданием. В популярной в то время форме утопий о будущем в нем описывалось возможное начало войны и всеобщей мобилизации в Германии. Завязкой романа «Военная мобилизация» было положение в германской столице после получения русско-французского ультиматума.

Даже в этой утопии 1913 г. предполагаемое общее настроение при возможном начале войны вовсе не сводилось к одной лишь эйфории, волне патриотизма и милитаристскому восторгу – в романе преобладала некая своеобразная смесь напряженности и покоя, сосредоточенности и страха. Эти наслоения совершенно противоречивых эмоций позже обнаружались и в действительности. Ставшая знаменитой лаконичная запись в дневнике Франца Кафки от 2 августа 1914 г. («Германия объявила войну России. После обеда урок плавания») в своей наивной несвязанности эпохального и обыденного, вероятно, лучше отражала восприятие современников, чем последующие попытки стилизации августа 1914 г. как «переломного момента в истории», попытки задним числом приписать ему некий универсальный смысл, который мог сформироваться лишь на основе анализа последствий войны².

С самого начала буржуазная элита и немецкая интеллигенция приняли участие в этой войне, демонстративно подчеркивая свою связь с нацией. Тем не менее уже летом 1914 г. в войну культур привносится своеобразное осознание перелома времен,

² Franz Kafka, Tagebücher, Textband, hg. von Hans-Gerd Koch, Michael Müller und Malcolm Pasey, in: Franz Kafka, Schriften, Tagebücher, Briefe. Kritische Ausgabe, Frankfurt. M., 1990, s. 543; Jörn Leonhard, Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs, 5. Aufl. München, 2014, s. 128–129.

который, казалось, ставил под вопрос все прежние ценности и прежний опыт. 2 августа 1914 г. профессор теологии Гейдельбергского университета Эрнст Трельч произнес знаменательную речь. Она не вписывалась в ситуативный патриотизм тех дней, в круг «идей 1914 г.», направленных против французских идей 1789 г., а позже против «торгашеского духа» англичан, но выходила за пределы текущего момента³.

Трельч утверждал, что эта война больше не будет вестись «поэтическими» видами оружия в рамках этики рыцарского поединка, как это было еще в начале XIX века. При наличии новых видов машинного оружия поединки отдельных героев становятся невозможны, и Трельч уже предвидел новые аспекты затяжной войны: «Технически изощренные виды вооружений современной войны с их перманентным совершенствованием, невидимость противника, и угроза с неизвестной стороны, сложные вопросы массового снабжения, гигантские службы обеспечения безопасности и защиты. Взвешенный расчет и выдержка, и лишь в отдельные моменты возможность проявления того драматического героизма, которого жаждет душа юношества»⁴.

Но прежде всего гейдельбергский теолог был уверен, что эта война радикально

³ Jörn Leonhard: “Über Nachtsindwurzradikalsten Demokratie Europas geworden” – Ernst Troeltsch und die geschichtspolitische Überwindung der Ideen von 1914. In: Friedrich Wilhelm Graf (Hg.): “Geschichte durch Geschichte überwinden”. Ernst Troeltsch in Berlin, Gütersloh 2006, s. 205–230; Gangolf Hübinger, Ernst Troeltsch, in: Gerhard Hirschfeld, Gerd Krumeich und Irina Renz (Hg.), Enzyklopädie Erster Weltkrieg, 2. Aufl. Paderborn, 2004, s. 926–927.

⁴ Ernst Troeltsch, Nach der Erklärung der Mobilmachung, 2. August 1914, in: Peter Wende (Hg.), Politische Reden, Bd. 3: 1914–1945, Frankfurt. M., 1994, s. 9–19, hier: s. 10–12; vgl. auch ebd., s. 15–16.

поставит под вопрос все традиционные, построенные на рациональности обещания стабильности, все социальные и государственные структуры XIX века и тем самым основу буржуазной культуры. «Сегодня на наших глазах рушатся все рациональные расчеты. Все курсы и калькуляции, страховые и банковские проценты, гарантии от несчастных случаев и чрезвычайных происшествий, все искусно возведенное здание нашего общества перестает существовать, и над всеми нами нависает нечто ужасное, непредсказуемое, почти невообразимое»⁵.

Всякая война иронична, потому что всякая война хуже, чем ожидалось. Это известное изречение Пола Фасселла полностью соответствует тому, что происходило в августе 1914 г.⁶ Уже в первые дни, недели и месяцы ожиданиям и реальностям войны было суждено разойтись так далеко, как никогда прежде. Крутое изменение действительности, обозначившееся уже в августе, переживалось теперь не только в казармах и на городских площадях, в светских гостиных и на крестьянских подворьях, но и в раскаленных от зноя полях Бельгии и Северной Франции, в лесах Галиции и Восточной Пруссии. Какими бы разными ни были ожидания, все они разбились при столкновении со стихией насилия. Если уже во время июльского кризиса обнаружилось разрушительное воздействие капитальных просчетов, неверных оценок, вынужденных мер и индивидуального перенапряжения, то еще более оче-

видным оно стало в начале войны. Летом 1914 г. политики рассматривали войну как возможность, но теперь они вдруг столкнулись с военной реальностью, которую ни в качественном, ни в количественном отношении не могли просчитать и предвидеть – отсюда парадокс гипертрофированного военного планирования при недостаточной подготовке⁷.

Но как люди вступали в эту войну и как война приходила к людям? Что конкретно значил для них этот глубокий разрыв между ожиданиями и реальностью? Об этом пойдет речь ниже – в общих чертах, в панорамном освещении событий на фронте и в тылу.

2. Из гражданских в солдаты: формирование массовых армий как глобальный феномен

Карл Эйнштейн, автор романа «Бебюкен» (1912 г.), принадлежал к виднейшим представителям немецкого экспрессионизма, но в августе 1914 г. он стал одним из тех восторженных, кто быстро сменил свой образ мысли и свои убеждения. За считанные дни писатель-критик превратился в солдата. Свои первые впечатления добровольца в казарме он поведал своему коллеге, писателю Роберту Музилю. Это свидетельство беспорядка, взбаламученного хаоса, даже беззакония – всего, что сопровождало полностью нарушенную жизнь. Эйнштейн пишет: «За пределами службы в казармах сплошной беспорядок и распущенность. Слои грязи толщиной в сантиметр, спят где попало, пьянствуют. Повальное воровство. Чемоданы взламывают. Ничего нельзя оставить без присмотра». Он говорит, что сам не знает почему, но теперь он и сам такой. Ему не нуж-

⁵ Ebd., s. 17–18; vgl. Leonhard, *Büchse der Pandora*, s. 238–240.

⁶ Paul Fussell, *The Great War and Modern Memory* (1975). With a New Introduction by Jay Winter, Oxford 2013, s. 7; James J. Sheehan, *Kontinent der Gewalt. Europas langer Weg zum Frieden* (engl.: 2008), München 2008, s. 97.

⁷ Vgl. Leonhard, *Büchse der Pandora*, s. 254.

на щетка, но он крадет две, видит третью и набрасывается на хозяина: Это моя щетка! – и отнимает ее силой. «У целых взводов крадут ружейные затворы, разбрасывают их или прячут без смысла. Бывшие судьи и адвокаты говорят друг другу, глазом не моргнув: Это не ты украл мою портупею? Такое чувство, что того и гляди все передерутся». У поэта-экспрессиониста один смысл в жизни: «Эйнштейн пребывает в состоянии эйфории; все остальное перестало существовать. Даже ночью рядом с женщиной он думает о порошке для чистки пуговиц. В свою служебную комнату он вообще не заходит»⁸.

С началом войны во всех слоях общества развернулся небывалых масштабов призыв военнообязанных, резервистов и добровольцев. Только со 2-го по 18-е августа через один лишь мост у Кельна на запад проследовало 2150 железнодорожных эшелонов, в среднем через каждые 10 минут⁹. переброска на фронт сотен тысяч солдат, вооружения, транспортных средств для всех стран-участниц обернулась гигантской проблемой не только логистического характера. В сельской местности мобилизацию ожидали со страхом: август – время уборки урожая. Прежде всего это проявилось в Российской империи, где различные этнические группы населения на призыв реагировали по-разному. В армянских семьях Закавказья, достаток которых в основном зависел от полевых работ мужчин, женщины впадали в отча-

⁸ Robert Musil, *Tagebücher*, hg.von Adolf Frisé, Reinbek 1983, s. 299; Karl Corino, *Robert Musil. Leben und Werk in Bildern und Texten*, Reinbek, 1989, s. 221.

⁹ Thomas Nipperdey, *Deutsche Geschichte 1866-1918*, Bd. 2: *Machtstaat vor der Demokratie*, München, 1992, s. 759; Rolf Spilker und Bernd Ulrich (Hg.), *Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914-1918*, Bramsche 1998, s. 274.

яние, услышав, что их мужей, отцов и братьев забирают в армию. Современники сообщали, что в селах «днем и ночью стоял плач женщин и детей». Иной была реакция на мобилизацию в других губерниях и провинциях, где вспыхивали грабежи и пьяные бунты, в которых многие офицеры видели по меньшей мере столь же сильного врага, как германская и австрийская армии¹⁰.

Солдатский жребий выпал не только на долю молодых людей в Европе; с самого начала война приняла глобальный масштаб. Камаре родился во Французской Гвинее, на западе Африки. Сам он не мог читать и писать, и его воспоминания о войне появились в серии интервью в 1976 г. В начале войны Камара работал шофером в столице Бамако, где он услышал о призыве во французскую армию. Когда он вернулся в родную деревню, оказалось, что почти все мужчины попрятались от вербовщиков: «Все ушли в лес, в долины и в горы, возвращались они только по ночам». Отец Камары запретил сыну идти добровольцем, «он говорил, что глупо и смешно лезть в войну, которую я не понимаю, и воевать в чужой стране». Несмотря на это, Камара все же решил записаться в армию. Во-первых, так поступили уже дети из некоторых менее уважаемых семей в деревне, потому что им пообещали впоследствии улучшение их положения, что пробудило его ревность. Во-вторых, «у меня было чувство, что как один из старших сыновей вождя я просто был обязан пойти на войну, если это нужно белому человеку. Всем уже пообещали, что даже всякий раб, который

¹⁰ Zitiernach: Josh Sanborn, *The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Re-examination*, in: *Slavic Review* 59 (2000), s. 267-289, hier: s. 275-277.

пойдет на войну, по возвращении станет вождем. Это было еще одной причиной. Я подумал, что было бы унижительно подчиняться рабу, который вернется с войны... Мне выдали одежду, деньги и еду. После обеда я появился перед земляками в военной форме. Что тут началось! До истерик доходило, каждый в деревне прямо-таки из себя выходил от восторга, когда видел меня в солдатской форме»¹¹.

Для большинства солдат стран-участниц общими были примерно одно время вступления в войну, реальность будней воюющего государства и связанные с этим надежды на изменение надоевшей рутины жизни, надежды на приключение, а также надежды на обретение некоторых выгод взамен на выражение своей лояльности – для многих рабочих или на относительное улучшение своего статуса – для многочисленных солдат из колоний в Африке и Азии¹².

3. Уплотнение и ускорение: мощь механизированной войны

22 августа 1914 г. под Россильоном в Южной Бельгии полк № 1 3-й колониальной дивизии под командованием генерала Раффнеля натолкнулся на явно уступавшее ему по численности германское подразделение и был тем не менее почти полностью уничтожен – прежде всего в результате пулеметного огня противника, а также из-за обстрела собственной артиллерией по ошибке. Из 3200 человек полк потерял около 3000, из них 2000 убитыми и 1000 ранеными и попавшими в плен. В приказе французского генерала Ж. Жоффра от 24 августа говорилось, что «во всех случаях,

когда пехоту бросали в бой без предварительной артиллерийской подготовки, она несла громадные потери от пулеметного огня противника – потери, которых можно было избежать»¹³.

Тем не менее командование в основном продолжало придерживаться привычной наступательной доктрины. Оно закрывало глаза на то, насколько опустошительными на поле боя были совместные действия артиллерии и пулеметов. В противовес парализующему артиллерийскому огню противника вместо ограничения активности пехоты командование, напротив, упрямо делало ставку на пехотную атаку. Оно считало, что, опираясь на силу воли, дисциплину и храбрость, цепочки отдельных стрелков должны обрушить ружейный огонь на вражеские позиции, после чего уничтожить противника в рукопашном бою. Хотя в полевых уставах до 1914 г. были учтены некоторые уроки южно-африканской кампании и русско-японской войны и защите пехоты было уделено несколько большее внимание, решающим по-прежнему считался моральный дух солдат, что нашло отражение во французской памятке: «Моральные силы – важнейший залог успеха. Честь и любовь к Отечеству внушают войскам дух благородной жертвенности. Успех обеспечивается самопожертвованием и волей к победе»¹⁴. Штабные офицеры были настроены против возведения полевых укреплений и рытья долговременных окопных

¹³ Alexandre Percin, *Le massacre de notre infanterie 1914–1918*, Paris 1921, s. 21, zitiert nach: Hans Linnenkohl, *Vom Einzelschuss zur Feuerwalze. Der Wettlauf zwischen Technik und Taktik im Ersten Weltkrieg*, Bonn, 1996, s. 175.

¹⁴ Zitiert nach: ebd., s. 165; vgl. s. 174–175; Bruno Thoss, *Infanteriewaffen*, in: Hirschfeld, Krumeich und Renz (Hg.), *Enzyklopädie Erster Weltkrieg*, s. 575–579, hier: s. 575–576.

¹¹ Zitiert in: Svetlana Palmer und Sarah Wallis (Hg.), *Intimate Voices From the First World War*, New York, 2003, s. 213 und 215.

¹² Vgl. Leonhard, *Büchse der Pandora*, s. 154–160.

линий, сдерживающих, по их мнению, наступательный дух и потенциально способных провоцировать проявления трусости. В русской армии руководствовались словами генерала Драгомирова: «Пуля – дура, штык – молодец... Есть национальная тактика, которой должно подчиняться современное оружие, а не современное оружие, к которому должна приспособляться национальная тактика»¹⁵.

Эффект от применения новых видов оружия не ограничивался лишь возросшим числом жертв. Смерть становилась все более анонимной. Оружейные расчеты тяжелых пушек находились настолько далеко от цели, что благодаря этому расстоянию и телефонной связи война приобретала странно абстрактный, даже бюрократический, во всяком случае рационально-деловой характер¹⁶. Гарри Граф Кесслер описывает свои впечатления при испытании новых крупновесных мортир 22 августа 1914 г.: «Одна из них снесла башню наблюдения, другая подбросила в воздух громадный бетонный блок, разрушения продолжались. Командующие, капитан и обер-лейтенант, сидели рядом с нами в укрытии как в бюро и по телефону отдавали приказы о наводке орудийному расчету, находившемуся за два километра от нас, точно так же как банкир отдает распоряжения о покупке и продаже акций на бирже – совершенно методическая, конторская деятельность, биржевой характер которой усиливался тем, что капитан как две капли воды был похож на Вальтера Ратенау. Один приказ мог стоить сотни трупов; в проме-

жутках болтали и завтракали, и нужно было сделать над собой усилие, чтобы подумать о том, что автор холодных вычислений своими распоряжениями сеял смерть»¹⁷.

Артиллерия, пулеметы и высокоточные самозарядные винтовки действовали на расстоянии, исключавшем прямой контакт противников. Около 70 % солдат в этой войне погибло в результате артобстрелов и лишь менее одного процента – от сабель и штыков в рукопашных схватках. Прежде всего, усиленные действия артиллерии в позиционной войне превратили в принципе случайную смерть в одинаковую для всех солдат опасность. Смерть, возможная в любой момент, даже за пределами ограниченного временными рамками боя, порождала новые психические нагрузки и, как следствие, новые виды расстройств. Анонимность смерти усиливалась тем, что интенсивный артобстрел относительно небольших участков фронта оставлял на поле фрагменты тел убитых, которые позже невозможно было идентифицировать. В последующие месяцы и годы это явление приняло невероятные размеры: из 379 000 французских солдат, павших в битве под Верденом в 1916 г., около 100 000 официально считались пропавшими без вести в силу невозможности опознать убитых. Численность приблизительно 300 000 пропавших без вести из 1,3 миллиона французов, погибших в ходе всей войны, позволяет лишь догадываться, что это означало для их родственников: война отняла у них не только жизни этих солдат, но и возможность похоронить и оплакивать их тела¹⁸.

¹⁵ Friedrich Immanuel, Die französische Infanterie, Berlin, 1905, s. 49; Jean-Baptiste Montaigne, Vaincre, Paris, 1913, s. 120; Linnenkohl, Vom Einzelschuss zur Feuerwalze, s. 42.

¹⁶ Vgl. Stefan Kaufmann, Kommunikationstechnik und Kriegführung, 1815–1945. Stufentelemedialer Rüstung, München, 1996, s. 158–169.

¹⁷ Harry Graf Kessler, Das Tagebuch, Bd. 5: 1914–1916, hg. von Günter Riederer und Ulrich Ott, Stuttgart, 2008, 22. August 1914, s. 93.

¹⁸ Ian Ousby, The Road to Verdun: France, Nationalism and the First World War, Garden City, 2002, s. 9; Sheehan, Kontinent der Gewalt, s. 104.

С числом потерь в первые недели и месяцы войны не справлялась даже военная бюрократия. Там, где имелись надежные данные, они были засекречены. Но, несмотря на цензуру, жители в тылу скоро узнали о масштабах военных потерь. Молодой француз, который в августе 1914 г. из-за болезни не смог вернуться в свой полк и к концу года остался единственным выжившим из 27 своих одноклассников по лицу, был лишь одним из тысяч таких примеров, типичных для стран, вступивших в войну¹⁹. Мишель Корде, 45-летний чиновник высокого ранга, присутствовавший в ноябре 1914 г. в Бордо на обеде с министрами Аристидом Брианом и Марселем Самба, узнал здесь, что даже члены кабинета министров не имели понятия о том, каким количеством солдат располагала Франция и каковы были потери первых недель войны. Из-за большого числа погибших и пропавших без вести бюрократия была неспособна своевременно обновлять списки личного состава. В декабре тот же Корде встретил бывшего генеральского адъютанта, в гражданской жизни директора Комеди Франсез, который рассказал ему, что ежевечерне до полутора тысяч зрителей не могут попасть в театр – зал полон женщин в черном, приходящих, чтобы выплакаться и найти утешение в музыке²⁰. Газета «Прагер Тагблатт» писала 27 сентября 1914 г.: «Самое ужасное в этой войне – секретность, с которой она ведется. Наши сыновья и братья, му-

жья и отцы загружаются в поезд, и мы не знаем, куда он их везет. Им не разрешается писать нам, где они находятся, а если их имена появляются в списках павших, мы не знаем, где они похоронены и в какой битве погибли»²¹.

4. Общность судеб: солдатский микрокосм

15 августа 1915 г. французский рекрут Жан Дартмон впервые обозревал участок фронта с колокольни разрушенной церкви на холме Мон Сен-Элуа: «Оттуда была далеко видна долина Артуа, но ничто не говорило о том, что на ней шел бой. Только отдельные облачки, предшествующие разрывам, напоминали о войне. Не видно армий, укрепившихся в окопах, которые следят друг за другом в этой тихой, выжженной местности и медленно уничтожают друг друга». Так далеко расходились ожидания и фронтовая реальность. Вид сверху никак не соответствовал тому, что было известно о жестоких битвах. «Эта спокойная долина, лежавшая под жгучим солнцем, сбивала нас с толку. Мы могли различить линии окопов, но они казались узкими извилистыми каналами, мы не могли себе представить, что их ажурная сеть была способна оказать серьезное сопротивление; казалось: несколько шагов через них – и двигайся дальше»²².

В пространственном восприятии солдат не было больше полей сражений в традиционном смысле – только отдельные

¹⁹ Barbara WertheimTuchman, *The Guns of August*, New York, 1962, s. 439, Anm.; Gordon Alexander Craig, *Die Revolution in Kriegführung und Diplomatie 1914 bis 1939*, in: Ders., *Krieg, Politik und Diplomatie*, Wien, 1968, s. 250–266, hier: s. 252.

²⁰ Peter Englund, *Schönheit und Schrecken. Eine Geschichte des Ersten Weltkriegs, erzählt in neunzehn Schicksalen*, Berlin, 2011, s. 67–68 und 73.

²¹ Prager Tagblatt, Morgenausgabe, 27. September 1914, s. 2; Thomas Anz, *Motive des Militärischen in Kafkas Erzähltextenseit August 1914*, in: Manfred Engel und Ritchie Robertson (Hg.), *Kafka, Prag und der Erste Weltkrieg*, Würzburg, 2012, s. 173–183, hier: s. 182–183; vgl. Leonhard, *Büchse der Pandora*, s. 151–154.

²² Gabriel Chevallier, *Heldenangst* (franz.: *La Peur*, 1930), Berlin, 2010, s. 67.

участки фронта, по которым велся артиллерийский огонь. В их представлении возникал «выстроенный ландшафт»: по направлению к фронтовой линии – территория, «за которой ничего нет»²³. Сзади открывалась своя территория, определяемая эшелонными функциями, – сеть окопов обороны и снабжения, позиций артиллерии и, наконец, тыл. С переходом от маневренной войны к позиционной тыл стал особым космосом войны. Здесь располагались большие склады боеприпасов и провианта, лазареты первой помощи раненым, позиции размещения резервных частей и зона рекреации для частей, вернувшихся с передовой.

Случай, от которого зависело, останешься ли ты в живых или нет, стал лейтмотивом солдатской жизни. В сентябре 1915 г. Роберт Музил пережил попадание итальянской авиастрелы непосредственно рядом с собой. Авиастрелы – стальные стрелы размером 10-15 см, которые летчики сбрасывали с воздуха. Для Роберта Музиля это переживание стало чем-то вроде личного обряда инициации, при котором неожиданность удара приобрела связь с осознанием вездесущей и постоянной смерти: «Стрела – ее слышно задолго. Звук, подобный свисту или шуму ветра, все громче. Время тянется бесконечно. Вдруг она вонзается рядом со мной в землю, которая будто проглатывает этот звук. Не помню, чтобы была воздушная волна, но очевидно она была, потому что инстинктивно уклонился в сторону и довольно глубоко нагнулся. При этом никакого страха, даже чисто нервного сердце-

²³ Kurt Lewin, *Kriegslandschaft*, in: *Zeitschrift für angewandte Psychologie* 12 (1917), s. 441, zitiert nach: Ulrich Bröckling, *Disziplin. Soziologie und Geschichte militärischer Gehorsamsproduktion*, München, 1997, s. 202.

биения, которое бывает и без ощущения страха при внезапном шоке. После этого – необыкновенно приятное чувство. Удовлетворение от пережитого. Почти гордость: принят в некое братство. Боевое крещение»²⁴.

Но чувство незащищенности перед лицом смерти не ограничивалось только и непосредственно ситуацией боевых действий. Жан Дартмон описывает изменившееся восприятие неба и утренней зари, которые до войны ассоциировались с миром и покоем, теперь же стали ловушками для солдат, потерявших бдительность: «Розовая заря, тихие сумерки, теплый полдень – все это ловушки. Радость служит приманкой для нас. Благодушно настроенный солдат высовывает голову из окопа и гибнет. Жертвами многочасового обстрела стали лишь несколько человек, а одна-единственная выпущенная от скуки мина уничтожает целый взвод. Солдат возвращается живым после кошмарных дней под Верденом, а на учебном плацу в его руках взрывается граната и разворачивает ему грудную клетку»²⁵.

В этих условиях солдаты чувствовали, что они – не действующие субъекты, а пассивные жертвы технологически изощренного оружия, снарядов и системы насилия, которая лишь изредка приобретала облик вражеского солдата, то есть конкретного человека. В основном же речь шла о чем-то совершенно безличном, что, однако, тем сильнее действовало на психику. Отсюда проистекала склонность видеть противника не в свете тех традиционных образов национального врага, которые доминировали в довоенное время и оставались актуальны-

²⁴ Musil, *Tagebücher*, 22. September 1915, s. 312; Corino, *Robert Musil*, s. 238.

²⁵ Chevallier, *Heldenangst*, s. 342–343.

ми в глубоком тылу. Скорее, появилась тенденция видеть общее в реальных условиях и опасностях по обе стороны фронта: противник оставался противником, но в каких-то ситуациях оказывался товарищем. Основой такого понимания было и сходное отношение к командованию в тылу, и разница во взаимоотношениях по горизонтали и по вертикали, между относительным равенством среди рядовых солдат и военной иерархией, что отмечал и Жан Дартмон: «Поэтому окрик “камрад француз!”, раздававшийся иногда из немецких окопов, вероятно, не был издевкой. “Фриц” ближе “пуалю”, чем своему фельдмаршалу. А по общим невзгодам “пуалю” ближе “фрицу”, чем командование в Компьене. На нас разные мундиры, но все мы пролетарии долга и чести, горняки, работающие в конкурирующих шахтах за одинаковую плату и в равной мере под угрозой взрыва гремучего газа»²⁶.

5. Внутренний фронт: душевные раны мужчин и женщин

Под впечатлением от сообщений о блистательных победах германского оружия в сентябре 1914 г. штеттинская домовладелица Редепеннинг написала своим жильцам письмо, в котором комментировала эпохальные события последних недель: «Грандиозный перелом, которого благодаря милости Всевышнего добились наши войска, вооруженные Его силой и могуществом, открывает перед нами великое и благословенное будущее. Да не забудет наш народ эту милость, да не забудет он своего Господа, охраняющего народ и государство от всяческого зла. С 1-го октября Ваша плата за проживание увеличи-

²⁶ Ebd., s. 344; vgl. Leonhard, *Büchse der Pandora*, s. 326–330 und s. 341.

вается на 30 марок»²⁷. Вот так очень разными путями и очень скоро война вошла в жизнь разных слоев общества в глубоком тылу. Она изменила процесс принятия политических решений, деятельность парламентов и партий, социальные связи и традиционные общественные роли, она поставила под вопрос сложившиеся отношения общественных и частных финансов, экономику производства и торговли. За считанные месяцы с начала войны все это породило «внутренний фронт», со временем набиравший собственный вес и определивший судьбы миллионов мужчин, женщин и детей²⁸.

Чем дольше длилась война, тем более двусмысленным становился образ женщины. Сохранился образ женщины как невинной жертвы вражеского насилия – хотя бы в памяти о безымянных бельгийках, изнасилованных немецкими солдатами, или во всеобщем возмущении казнью в 1916 г. британской медсестры Эдит Кейвелл, заподозренной немцами в шпионаже. Но вместе с тем женщина представляла как источник опасности, эмоциональной нестабильности и соблазна – того, что противостояло силе воли и несгибаемости, приписываемым мужчинам-фронтовикам. Именно в кризисные моменты на внутреннем фронте казалось важным подтвердить систему ценностей, идентифицируемых с полами. Подобные взгляды сыграли существенную роль, когда в 1917 г. французские власти осудили и казнили Мату

²⁷ Eduard Engel, 1914. *Ein Tagebuch. Mit Urkunden, Bildnissen, Karten*. Bd. 1: Vom Ausbruch des Krieges bis zur Einnahme von Antwerpen, Bd. 2: Von der Einnahme Antwerpens bis zum Ende des Jahres 1914, Braunschweig 1915, zitiert nach: Ernst Johann (Hg.), *Innenansicht eines Krieges. Bilder – Briefe – Dokumente*, Frankfurt/M., 1968, s. 57.

²⁸ Vgl. Leonhard, *Büchse der Pandora*, s. 205.

Хари как германскую шпионку. Наконец, к опасностям, идентифицируемым с женским полом, относилась и роль переносчицы венерических болезней, о чем солдаты периодически предупреждали бесчисленные листовки.

Война стала колоссальным испытанием для супружеских пар и семей. Отношения между фронтом и тылом и здесь не оставались статичными: многочисленны были разнообразные связи и взаимодействия, как об этом свидетельствует изнасилование женщин в оккупированной Франции, с одной стороны, и переписка солдат с женами – с другой. Эмоциональная связь со сражающимися братьями, отцами и мужьями, страх потерять их или траур по погибшим... Однако женщины переживали войну и вполне конкретно, например, при воздушных налетах на города или в потоках беженцев. Но многомесячная разлука и ощущение, что, несмотря на бесчисленные письма, тыл и фронт все дальше отходили друг от друга и сблизить их становилось все труднее, способствовали взаимному отчуждению супружеских пар.

Бегство в воображаемую нормальную жизнь, попытка уцепиться за довоенные образы родины, брака, семьи помогали обрести эмоциональное равновесие, но за них нужно было платить. И именно женщины особенно остро воспринимали пропасть между иллюзиями и реальностью, углублявшуюся с каждым годом войны. Со всей отчетливостью это проявилось в переписке между Анной и Лоренцом Треплин, хирургом больницы в Эппендорфе, призванным в армию в августе 1914 г. в качестве штабного врача. Уже скоро Анна Треплин увидела, что их отношения рушатся, что ее муж был все менее

способен представить себе жизнь их подрастающих детей. На его постоянные уверения, что война непременно вот-вот закончится, она лаконично отвечала в сентябре 1916 г.: «Хотя с твоей стороны очень мило в течение двух лет так убежденно верить в скорое окончание войны, но, помоему, нет ни малейшего смысла строить себе иллюзии на этот счет»²⁹. Отпуска Лоренца Треплина с фронта лишь усиливали чувство отчуждения. После своего самого длительного трехнедельного отпуска он писал весной 1917 г.: «Ну вот, со вчерашнего вечера я снова сижу здесь, и как будто ничего и не было, как будто в одну ночь я увидел сон о трех неделях, которые в первые дни показались мне такими прекрасными и долгими. И знаешь, как ни прекрасно было все это время, есть какая-то неудовлетворенность в том, чтобы побывать дома, но только в качестве гостя. И эта неудовлетворенность несколько омрачает мои воспоминания»³⁰.

В этой переписке, обставленной буржуазными условностями, обращает на себя то дисциплинированное молчание, с которым семья принимала удары судьбы, утраты и саму смерть. Летом 1917 г. в гостях у свекра в деревне истощенная женщина и ее дети заболели дизентерией и один ребенок умер. Об этом трагическом событии в жизни семьи Л. Треплин в своих письмах не обронил ни слова и вообще больше почти не интересовался домашними делами. Прошло немало времени, пока супруги после войны постепен-

²⁹ Brief von Anna an Lorenz Treplin, 3. September 1916, in: Heilwig Gudehus-Schomerus, Marie-Luise Recker und Marcus Riverlein (Hg.), "Einmal muss doch das wirkliche Lebenwiederkommen!" Die Kriegsbrieftage von Anna und Lorenz Treplin 1914–1918, Paderborn, 2010, s. 37.

³⁰ Brief Nr. 469, 28. April 1917, in: ebd., s. 625.

но преодолели взаимное отчуждение, вызванное войной и личными жертвами каждого. Лоренц и Анна Треплин сохранили свои письма, но после войны они никогда больше не говорили друг с другом и детьми о том, что пережили. Пачка их писем, случайно обнаруженная в 1995 г., была по-прежнему перевязана шнурком, который никто не развязывал³¹.

6. Перспектива: Первая мировая война и тектоника ожиданий и реальности

Что же из всего этого следует? Первая мировая война была больше, чем просто прелюдией к еще более страшной катастрофе. Она показала то, что вдруг стало возможным во имя нации и национального государства, а именно любое беззаконие и нарушение всяких запретов. В этом заключался кризис той особой формы основ европейской общественной жизни, которая сложилась в конце XVII века на фоне религиозных гражданских войн. Она строилась на вере в то, что войны можно ограничить правилами, можно не дать разгораться конфликтам между принципиально суверенными государствами, можно обуздать насилие и сделать его предсказуемым. И в общем это удавалось, если вспомнить войны после Французской революции и Наполеона в период с 1815 до 1914 г., и долгое время в ходе возникновения новых национальных государств с их имперскими притязаниями международный государственный порядок оставался достаточно гибким. Но между августом 1914-го и ноябрем 1918 г.

³¹ Heilwig Gudehus-Schomerus, Marie-Luise-Recker und Marcus Riverein, Einleitung, in: Dies. (Hg.), "Einmal muss doch das wirkliche Lebenwiederkommen, s. 9–43, hier: s. 39–40; vgl. Leonhard, BÜchse der Pandora, s. 776–777 und s. 783–784.

страны, участвовавшие в войне, утратили способность заключать внешний и внутренний мир своими силами и поддерживать его сколько-нибудь длительное время. Это знаменовало глубокое изменение в восприятии миром Европы и в состоятельности той модели порядка, которую представляли ее государства.

Победителем в мировой войне была не какая-либо нация, государство или империя, а ее результатом был мир без войны. Подлинным победителем была сама война, принцип войны, возможность тотализируемого насилия. Этот вывод был тем более важен, что он находился в фундаментальном противоречии с тем лейтмотивом, который зародился во время войны и для многих был решающим оправданием продолжения ее всеми средствами. Надежда на то, что последняя жесткая война ведется против принципа войны вообще, и вера в то, что мировая война – это последняя война, «война, которая покончит с войнами», были жестоко обмануты. Сразу же после окончания мировой войны, прежде всего на территориях рухнувших Российской, Австро-Венгерской и Османской империй, но также и за пределами Европы и после 1918 г., вопреки риторическим заверениям о новом международном порядке, принцип войны, т. е. применения силы при мобилизации всех имеющихся средств, получил новую поддержку³².

То, что в результате войны изменилось в основе, был взгляд на возможность насилия в условиях новой неопределенности и непредсказуемости, в век разрывов и разломов, требовавших выработки новых категорий. После 1918 г. не возник новый порядок – ни общественный, ни полити-

³² Vgl. Leonhard, BÜchse der Pandora, s. 998–999.

ческий, ни международный. Но новые модели – большевизм и фашизм – выступили открыто против либерального наследия XIX века не в последнюю очередь также и в своей готовности к применению силы и неограниченного внутреннего и внешнего террора. Это было связано с неоднозначным фронтовым опытом, с переходом межгосударственной войны в революцию и войну гражданскую, так же как и с несбывшимися надеждами и обманутыми ожиданиями в разных слоях общества после 1918 г. Во всяком случае, к 1930-м гг. модель либерального конституционного государства и парламентаризм, казалось, утратили свое будущее.

За этим глубоким потрясением проглядывало и нечто иное. Ни в какой другой войне так далеко не расходились ожидания и личный опыт. Вальтер Бенджамин так писал об этом позже, в 1933 г.: «Ясно одно: личный опыт упал в цене у того поколения, которое в 1914-1918 годах пережило едва ли не самое ужасное в мировой истории... Потому что никогда еще личный опыт не опровергался столь основательно: стратегический – позиционной войной, экономический – инфляцией, физический – голодом, морально-нравственный – властью имущими. Поколение, которое ещё ездило в школу на конке, вдруг оказалось под открытым небом, там, где неизменным не осталось ничего, кроме облаков, а в середине, в силовом поле разрушительных стихий и взрывов – крохотное, хрупкое человеческое тело»³³.

Но что же стало последствием этой радикальной девальвации ожиданий в результате взрыва насилия в короткий про-

межуток времени после лета 1914 г.? Прежде горизонты ожиданий и сферы личного опыта соотносились друг с другом во временной цикличности. В период с 1770 до 1850 г. эта цикличность была нарушена, потому что ожидания людей времен Французской революции выходили далеко за пределы их личного опыта³⁴. То, что началось в августе 1914-го и не закончилось в ноябре 1918 г., радикально перевернуло эту тектонику: теперь война развенчивала ожидания прогресса – наследие XIX века – как наивные сценарии, не выдерживавшие динамики личного опыта в этой войне. Результатом стал кризис доверия почти во всех сферах жизни: кризис политики, экономики, общества, идеологических проектов оправдания государств, наций, этносов и классов. Именно в этом, в этой всеобщей неуверенности и сократившихся периодах полураспада великих социальных идей, заключается наследие войны вплоть до современности.

За эпохой безграничного насилия в первой половине XX века после 1945 г. наступила мирная (по крайней мере, для Европы) фаза под знаком стабильной холодной войны и постепенной победы демократического общества сначала в Западной, а после 1989–1991 г. и в Восточной Европе. Кажется, вся вторая половина XX века потребовалась для того, чтобы залечить раны, нанесенные после августа 1914 г. Но их следы видны еще и сегодня.

³³ Walter Benjamin, Erfahrung und Armut (Dezember 1933), in: Ders., Gesammelte Schriften, Bd. 2/1, Frankfurt/M., 1977, s. 213–219, hier: s. 214.

³⁴ Reinhart Koselleck, “Erfahrungsraum” und “Erwartungshorizont” – zwei historische Kategorien, in: Ders., *Vergangene Zukunft. Zur Semantikgeschichtlicher Zeiten*, Frankfurt/M., 1989, s. 349–375.

PANDORA'S BOX OF THE XX-TH CENTURY: THE FIRST WORLD WAR

Jörn Leonhard

Albert-Ludwigs-Universität Freiburg,
Freiburg, Germany

joern.leonhard@geschichte.uni-freiburg.de

In the article on the material of witnesses, writers, survivors of tragic events, letters of contemporaries a number of fundamental aspects is examined. The aspects which highlight the impact of the First World War on the self-consciousness of the peoples involved. They include the scary gap between expectations and reality, the formation of gigantic armies of the individuals of purely civilian occupations; people's reaction to the inhumane ways of destruction of manpower with the most modern technical inventions; a change in the consciousness of soldiers caught up in incessant danger, when enemies become closer to each other than fellow citizens who have not experienced the trenches in their life; severe tests of family ties. The First World War debunked expectations of progress as naive scenarios, which could not bear the dynamics of personal experience. The result was a crisis of confidence in almost all spheres of life: the crisis of politics, economy, society, ideological projects of the justification of states, nations, ethnic groups, and classes. Namely in this universal uncertainty and the reduced half-lives of great social ideas the legacy of this war is being kept up to modern times.

Keywords: First World War, the identity of nations, power of mechanized war, human reaction upon the unbearable, debunking the idea of progress.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-7-19